

Глава 18. «Напевы просторных палат»

Юй Чжимин вздохнул свободнее. Бледность сошла с его лица, и он заметно приободрился, что заставило Сун Синьфана, Ту Синьда и остальных учеников облегчённо выдохнуть.

Сверившись с часами, мастер поспешил спровадить подопечных на сцену.

Ту Синьда кивнул и, окликнув своего младшего брата Ли Синьхэ, направился к подмосткам.

Стоило им показаться перед публикой, как зал отозвался жидкими, неуверенными аплодисментами. Артисты, впрочем, не подали виду. Для них «Зал Льва и Тигра» был не просто местом работы, а оплотом традиции; они искренне верили, что их миссия — сохранить искусство сяншэна, а сколько при этом в зале сидит людей — вопрос второстепенный.

Сегодняшнюю программу открывал номер, переложенный ими на новый лад.

Ту Синьда считал, что слова Сун Синьфана об отсутствии инноваций в их труппе — не более чем преувеличение. «Лев и Тигр» вовсе не собирался закостеневать в прошлом; они прекрасно понимали: чтобы сберечь традицию, её нужно умело освежать.

Их версия классического номера «Великое долголетие» прошла на ура, сорвав заслуженные выкрики «браво». Следом Ту Синьда приготовился исполнить «Тайпин гэцы» — ритмические куплеты.

Завидев в его руках пластинки-юйцзы, зрители мгновенно подобрались. Если к разговорному жанру в исполнении «Льва и Тигра» кто-то ещё мог придираться, то их вокал не знал равных. Петь «мирные напевы» так, как пели здесь, не умел больше никто.

Ту Синьда затянул «Наставление». Голос его, чистый и звонкий, лился легко, проникая в самую душу:

— Коль тридцать минет — жизнь в цвету, благоухает...

Но к сорока — поблекнет цвет, и лепестки опадут...

— Хорошо! — раздались голоса стариков, знающих толк в искусстве.

Одобрение знатоков подхлестнуло Ту Синьда. Настроение поднялось, и он решил добавить в выступление импровизацию.

Он достал небольшой, с ладонь, колокольчик из потемневшей бронзы и маленький молоточек.

Ли Синьхэ, моментально считав знак напарника, вынес стул и трёхструнный саньсянь.

Увидев этот нехитрый скарб, завсегдатаи чайной довольно зашептались: сегодня им явно везло на редкости.

— Почтеннейшая публика! — обратился к залу Ту Синьда. — Сейчас мы с братом исполним для вас отрывок из «Напевов просторных палат». Многие из вас, возможно, слышали это название. Несколько лет назад в гробнице царства Западного Чжао были обнаружены ноты древних песен. В этих напевах ведущая роль отводится колоколу под аккомпанемент саньсяня. Наша труппа принимала непосредственное участие в их расшифровке и восстановлении. То, что вы услышите сейчас — и есть те самые «Напевы просторных палат».

Зал взорвался криками одобрения.

В этом и заключалась истинная глубина «Зала Льва и Тигра». В Китае, где при раскопках находили не только драгоценную утварь, но и культурные сокровища вроде старинных партитур, к работе по реставрации музыки неизменно привлекали знатоков из этой труппы.

Своё название цикл получил в честь «Просторной палаты» — одного из помещений гробницы, где и были найдены свитки. Исследователи установили, что это древняя форма речитатива. Теперь «Напевы» стали визитной карточкой труппы — услышать их можно было лишь на правительственных концертах или здесь, в чайной «Сад Цинь».

Ту Синьда ударил в колокольчик. Мелодичный звон, казалось, омыл сознание слушателей, а когда в дело вступил саньсянь, по чайной поплыл странный, затягивающий мотив.

— Румяна на лик — и цветы пред красю померкнут... Шпилька в косе из нефрита... Сквозь окна доносится иволги плач из-за ив... О, как сердце томится в ожидании вешних прогулок...

Это была песня о тоске знатной затворницы, мечтающей вырваться из золотой клетки своего покоя. Как полагали учёные, автором строк был сам хозяин гробницы — изнеженный отпрыск аристократического рода времён Западного Чжао.

Напевы лились тягуче и нежно, заставляя каждого в зале затаить дыхание.

Пока в «Зале Льва и Тигра» царил атмосфера светлой печали, на другом конце города, в «Зале Счастья и Праздника», всюду кипело веселье.

Цяо Хуаянь — тот самый «Цветочный принц» — придвинулся к микрофону:

— Вы знаете, кто этот человек рядом со мной?

— Знаем! — хором отозвался зал.

— О, знаете? Ну, значит, знаете поверхностно! А я сегодня помогу вам рассмотреть его во всех деталях!

Цяо начал шутливо тыкать в напарника сложенным веером, вызывая в зале приступы хохота.

Хань Хаочунь изобразил крайнее изумление и перехватил руку Цяо:

— Ты что творишь? Ты мне кишки выпустить решил или сразу прирезать?!

Зал буквально содрогнулся от хохота.

— Сам ты кишки! — огрызнулся Цяо Хуаянь, убирая веер. — Посмотрите на него! А ведь мало кто в курсе, что этот господин у нас теперь — магистр!

Хань Хаочунь тут же напустил на себя скромный вид:

— Ну что вы, что вы... Просто решил продолжить образование.

— Ах вот как?! — Цяо картинно вскипел. — Стоило мне тебя похвалить, как ты сразу раздулся! Ты на кого тут свысока смотришь, а?

— погоди, ты чего завёлся? Я ни на кого не смотрю свысока! — Хань Хаочунь мастерски изобразил полное недоумение.

— Да ты же мастера ни в грош не ставишь! Думаешь, раз поступил в свой Университет Имперской столицы, то теперь самый умный в труппе? — Цяо продолжал нападать, не давая напарнику вставить и слова.

Хань Хаочунь вдруг усмехнулся:

— Ну, может и не самый-самый... Но уж точно на голову выше кое-кого из присутствующих.

Он ехидно подмигнул Цяо, и этот жест стал детонатором. Цяо Хуаянь ткнул веером прямо ему в грудь:

— На что это ты намекаешь? Считаешь, раз я вузов не кончал, то со мной и поговорить не о

чем?!

— Да нет, что ты... Я просто констатирую факты. Разве я не прав? — Хань Хаочунь развёл руками, обращаясь к зрителям.

Зал зашёлся в экстазе.

— Да ты... Ты просто невыносим! Всё, сейчас я тебя убивать буду! — Цяо отшвырнул веер на стол и принялся демонстративно закатывать рукава.

— С чего бы это вдруг?! — притворно испугался Хань.

Зрители покатывались со смеху: перепалки этой парочки давно стали главной изюминкой шоу.

За кулисами другие артисты тоже едва сдерживали смех. Среди них стоял мужчина с благородной, интеллигентной внешностью — нынешний глава «Зала Счастья и Праздника» Ли Чэньюй. Он с улыбкой наблюдал за представлением и лишь сокрушённо качал головой:

— Ох, ну опять они за своё...

В тот момент, когда публика решила, что сейчас начнётся драка, Хань Хаочунь внезапно выдал:

— погоди, не убивай! Если ты меня прикончишь — ты же вдовой останешься!

От этой фразы зал буквально взорвался визгом и аплодисментами. Цяо Хуаянь на секунду осёкся — похоже, Хань ввернул эту шутку экспромтом.

Впрочем, «Цветочный принц» быстро сориентировался:

— Ладно, вдовой так вдовой! Но сначала я тебя всё-таки пришибу!

Под несмолкаемый гул Цяо Хуаянь подоткнул полы своего длинного халата за пояс, отступил на два шага и резким движением вцепился зубами в кончик собственной косы. Движение было настолько эффектным и лихим, что фанатки в первом ряду едва не лишились чувств.

В следующую секунду он закрутил серию безупречных сальто прямо на сцене.

Пока Цяо крутил кульбиты, Хань Хаочунь проорал в микрофон:

— Думаешь, если ты с детства учился на амплуа удан в Пекинской опере, то тебе всё можно?!
Да я... я... я...

После нескольких «я» Хань тоже начал засучивать рукава, но вдруг замер, словно что-то вспомнив. Он опустил руки и разочарованно выдохнул:

— Чёрт, точно... Я же учился на барабанщика «цзинъюнь дагу»... Ладно, живи пока, не буду с тобой связываться!

— Ха-ха! Наш магистр сдулся! — хохотали в зале.

Цяо Хуаянь закончил серию прыжков, перевёл дух и подошёл к напарнику:

— Ну что, признаёшь поражение?

— Признаю, виноват, — Хань Хаочунь мгновенно сменил тон, переходя к основной части номера. — Слушайте, а выправка-то у вас непростая. Сразу видно — человек дела!

Цяо Хуаянь просиял:

— Ещё бы! Я, между прочим, мастер боевых искусств!

Так, через шутки и балаган, они наконец перешли к классическому номеру «Телохранитель».

Это был обычный вечер для двух самых знаменитых трупп страны. Традиция и современность жили своими жизнями, каждая — под своим небом.

<http://bllate.org/book/17504/1658022>